

Но дело было не только в речи. Он еще не начал читать ее, еще только развернул тетрадку, куда текст речи был переписан рукой Анны Григорьевны, как публика «загремела рукоплесканиями».

В отличие от Гоголя, цитатой из которого начиналась речь, Достоевский не боялся публики — она, напротив, прибавляла ему сил. «Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать, — ничто не помогало: восторг, энтузиазм...»

Восторг от чего? Не от его же внешнего вида — по сравнению с присутствующим в зале статным благообразно седым Тургеневым, единственным на тот момент русским писателем, которого знала и по-настоящему признавала Европа, изможденный, с нервным, подергивающимся лицом Достоевский выглядел жалко. Писательница Е.П.Леткова-Султанова запомнила в тогдашнем Достоевском «сероватое лицо, сероватую жидкую бороду, недоверчивый, запуганный взгляд и сжатые, точно от зябкости, плечи». Но тем не менее — «восторг, энтузиазм». Федор Михайлович объясняет это просто, тремя словами. «Все от «Карамазовых».

Это было второе письмо жене в течение суток. Первое, датированное предыдущим днем, на самом деле писалось уже 8 июня, после полуночи. Начинающемуся дню суждено было стать благодаря речи Достоевского апофеозом пушкинских торжеств. Разумеется, в этом первом письме тоже говорится о романе, который, нелишне напомнить, уже давно печатался, но заключительные главы которого еще не были написаны.

«В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи и седых, и дам, бросились ко мне, говоря: «Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли «Карамазовых». И подытоживает в скобках: «Одним словом, я убедился, что «Карамазовы» имеют колоссальное значение». Теперь к этому прибавился еще оглушительный успех пушкинской речи. «Когда я закончил, — пишет он Анне Григорьевне, — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга...»

Быть может, Федор Михайлович, ни в чем не знающий меры, преувеличивает? Нет, не преувеличивает. Сохранилось множество свидетельств, в которых подтверждается, что люди действительно и плакали, и обнимали друг друга, и даже падали в обморок. «Согласись, Аня, — резюмирует триумфатор, — это залого будущего, залого всего, если я даже и умру». Стало быть, и в эту минуту — минуту высшего своего торжества — думал о смерти. Не об отдаленной — через двадцать лет — смер-

ти, но и не такой уж близкой. Продолжение «Карамазовых», где будут действовать в основном подростки и дети главных героев, написать, во всяком случае, успеет. «Напишу еще «Детей» и умру», — сказал он окружающим его почитателям. Шум стоял невероятный, но слова Достоевского расслышали и донесли до потомков.

А как же двадцать лет, которые он еще намеревался «жить и писать»? Достоевский, без сомнения, был искренен и тогда, и сейчас. С одной стороны, чувствовал в себе такое обилие сил, в нем клокотало столько замыслов, что их впрямь хватало бы еще на добрых два десятилетия, а с другой, ощущал близость конца, как ее всегда ощущают его герои. Для них смерть никогда не бывает внезапной: автор обязательно дает им несколько дней, часов или, на худой конец, минут, чтобы они смогли подготовиться к переходу в мир иной.

Об истинном положении дел хорошо знала Анна Григорьевна. Ее двоюродный брат Михаил Николаевич Сниткин внимательно осмотрел знаменитого родственника и без обиняков объявил сестре, что «болезнь сделала зловещие успехи». Именно эти слова приводит она в своих «Воспоминаниях». Истончившиеся сосуды легких грозили лопнуть в любой момент — от малейшего напряжения, «от всякого рода волнений, приятных или неприятных».

Можно представить себе, с каким тяжелым чувством отпускала она его на пушкинские торжества! Ах, если бы и сама могла поехать, чтоб быть с ним каждый час, каждую минуту, но для этого нужны были деньги, а денег, как всегда, не было.

«Думала об тебе сегодня очень и очень, — писала она мужу в Москву за два дня до его триумфа. — Как-то ты сегодня стоял на молебствии, не устал ли очень, не измучился ли?» Позже, уже после его смерти, гораздо позже, описывая то время — самый конец весны и начало лета, последнего его лета, — она признается, что «находилась в страшном беспокойстве насчет здоровья Федора Михайловича».

Уезжая из Старой Руссы в Москву, он полагал, что расстанется с семьей на неделю, может быть, чуть больше, но вернулся домой лишь через 22 дня. В поезде, сразу после Новгорода, пришло известие, которое перемешало все карты. Смерть, явив в очередной раз свое всевластие, настигла на сей раз монаршую особу — императрицу Марию Александровну.

В стране был объявлен траур, все торжества, в том числе и посвященные открытию памятника Пушкину в Москве, отменили. Федор Михайлович огорчен и озадачен, зато Анна

А.Г.Достоевская. 1863 г.

Григорьевна не в силах скрыть радости. «Ждем тебя обратно, — телеграфирует она мужу, — так как открытие памятника отложено». Но он все-таки решает задержаться в Москве на три дня, чтобы уладить кое-какие дела. «...Повидаю Любимова и переговорю о капитальном».

Николай Алексеевич Любимов — редактор «Русского вестника», где печатаются по мере написания «Братья Карамазовы», а «капитальное» — как раз они, «Братья...», и есть. Капитальное не только по объему, но и по мысли, по охвату проблем, по остроте их постановки и глубине разрешения. Он не ошибался и отнюдь не набивал себе цену, когда характеризовал так свое детище. Будущее, причем совсем близкое будущее, те же отложенные, но все-таки состоявшиеся пушкинские торжества подтвердили это. «Признал» «Карамазовых» и самый главный, самый авторитетный для Достоевского читатель России — Лев Толстой.

«Братья Карамазовы» — последняя книга, что Лев Николаевич держал в руках перед своим уходом из Ясной Поляны. Так случилось, что оба они — и Толстой, и Достоевский — ушли в мир иной хоть и с разрывом в 30 лет, но с одной и той же книгой. Для Льва Николаевича главной фигурой в ней был старец Зосима, о котором он отзывался с умилением, а вот почти все остальное ему не нравилось. Не устраивала художественная сторона дела. «Хуже, чем у Достоевского», — нередко ворчал он, читая тот или иной текст.

Однако не эстетика, не литературные достоинства привлекали его в образе старца Зосимы. Привлекала